

Информация для цитирования:

Буслаев Г. Н. Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы : пути формирования и особенности развития / Г. Н. Буслаев, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 308—330. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330.

Buslaev, G. N., Nemudrov, K. A. (2024). Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s-2010s: Formation Paths and Development Features. *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 308-330. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы: пути формирования и особенности развития

Буслаев Георгий Николаевич

orcid.org/0000-0003-0595-3831
аспирант кафедры дипломатии
корреспондирующий автор
buslaev.egor98@gmail.com

Немудров Константин Алексеевич

orcid.org/0000-0002-1651-8563
аспирант кафедры дипломатии
konstantin_nemudrov@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10136

Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s-2010s: Formation Paths and Development Features

Georgy N. Buslaev

orcid.org/0000-0003-0595-3831
post-graduate student,
Department of Diplomacy
Corresponding author
buslaev.egor98@gmail.com

Konstantin A. Nemudrov

orcid.org/0000-0002-1651-8563
post-graduate student,
Department of Diplomacy
konstantin_nemudrov@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10136

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс формирования и трансформаций российской научной диаспоры в ФРГ в 1990—2010-е годы. Поднимается вопрос о причинах и путях образования крупного сообщества научных работников и исследователей, пересехавших из России в Германию. Дается приближительная оценка количества членов рассматриваемой группы на рубеже XX—XXI веков. Особое внимание уделяется анализу форм и типов объединения российских ученых-соотечественников в ФРГ. В качестве источников использованы данные российского и германского государственных статистических ведомств, введены в научный оборот документы Германской службы академических обменов, стенограмма отчета правительства ФРГ перед Бундестагом и др. Выполнен обзор инструментов, используемых властями Германии для привлечения научных кадров из России в 1990—2010-е годы. Проанализирована политика российских уполномоченных органов по взаимодействию с научной диаспорой в рассматриваемый период. Показано, как на фоне усиления конкуренции за высококвалифицированные кадры Москва увеличила контакты с научной диаспорой в ФРГ в начале 2010-х годов. Отмечено, что, хотя данные инициативы и способствовали развитию новых форматов сотрудничества между учеными-выходцами из России в Германии и российскими научными учреждениями, они впоследствии были приостановлены и не привели к системной активизации взаимодействия.

Ключевые слова:

научная диаспора; научная дипломатия; международное научно-техническое сотрудничество; российско-германские отношения; утечка умов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of formation and transformations of the Russian scientific diaspora in Germany in the 1990s-2010s. It raises questions about the reasons and paths of creating a large community of scientific workers and researchers who moved from Russia to Germany. An approximate estimate of the number of members of the group under study at the turn of the XX-XXI centuries is provided. Special attention is paid to the analysis of forms and types of association among Russian compatriot scientists in Germany. Sources include data from Russian and German state statistical agencies, documents from the German Academic Exchange Service, a transcript of the German government's report to the Bundestag, and others. An overview of the tools used by the German authorities to attract scientific personnel from Russia in the 1990s-2010s is conducted. The policy of Russian authorities regarding interaction with the scientific diaspora during the period under review is analyzed. It is shown how Moscow increased contacts with the scientific diaspora in Germany in the early 2010s amid intensified competition for highly qualified personnel. It is noted that although these initiatives contributed to the development of new formats of cooperation between scientists of Russian origin in Germany and Russian scientific institutions, they were later suspended and did not lead to a systemic activation of interaction.

Key words:

scientific diaspora; scientific diplomacy; international scientific and technical cooperation; Russian-German relations; brain drain.

УДК 94:314.742(430)“199/201”+314.743:[316.344.34:378.2](47)“199/201”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Российская научная диаспора в Германии в 1990–2010-е годы: пути формирования и особенности развития

© Буслаев Г. Н., Немудров К. А., 2024

1. Введение = Introduction

Общественные связи между Россией и Германией имеют богатую многовековую историю [Павлов, 2017]. Первые контакты между представителями в современных терминах гражданских обществ (включая научные сообщества как фракции последних) проходили одновременно со становлением централизованной государственности в обеих странах, а местами даже предшествовали ей. В связи с этим уместно вспомнить и немецкие слободы в Москве XVI—XVII веков, и активное привлечение немецкоязычных иностранцев на российскую службу Петром I, а также его преемниками на престоле. С именем Екатерины II связано образование в Российской империи особой этносоциальной группы российских немцев — переселенцев, приехавших с германских территорий для освоения земель Юга России [Зевелева, 2014]. В результате этих процессов (некоторые из них протекали исторически последовательно, а иные параллельно) в России сложилась полноценная немецкая диаспора. Она подарила миру многих выдающихся деятелей в области культуры, науки, искусства и других сферах [Турнаев, 2005]. Достаточно упомянуть таких деятелей, как Л. Эйлер, В. Я. Струве и О. Ю. Шмидт, чтобы проиллюстрировать, что работавшие в России ученые-выходцы из германских земель, наряду с другими видными иностранцами [Райнхардт, 2020], известны не только в узких кругах специалистов, но далеко за их пределами, причем во всем мире.

Несколько иначе обстоят дела с учеными, переехавшими в Германию из России. Здесь уместно говорить как о сравнительно более низкой степени научной разработанности соответствующей проблемы, так и о меньшей известности данного сюжета непрофессионалам: по личным наблюдениям авторов, среднестатистический житель ФРГ едва ли способен назвать ученых с русскими корнями, работающих или работавших в его стране. Во многом это обусловлено тем, что обратный вышеописанному процесс мас-

сового оттока российских граждан, включая научные кадры, в Германию начался более чем на два столетия позже.

Подчеркнем, что речь идет именно о *массовом* исходе научных кадров из России в Германию в последние три десятилетия и, как следствие, об образовании там группы, объединяющим фактором которой выступает научно-исследовательская работа в различных ее формах и проявлениях. Следует, конечно же, упомянуть, что Россия еще с XVIII века стала направлять пригодную для обучения и прогрессивную молодежь в германские университеты, что даже нашло отражение в художественной литературе в широко известных и во многом стереотипных образах Александра Чацкого и Владимира Ленского. Таким образом, одновременно со становлением германской научной диаспоры в России стал закладываться фундамент российской научной диаспоры «под небом Шиллера и Гете». Отдельные соотносимые с таким явлением эпизоды имели место и позднее — например, в 1920-е годы [Стародубцев, 2005], однако в количественном отношении по-прежнему носили ограниченный характер.

Главными же движущими силами данного процесса в конце XX века, когда он сделался более масштабным, стали распад советского государства и ускорение глобализации, выразившееся среди прочего в открытии границ, либерализации экономик и росте взаимосвязанности рынков труда, в том числе секторов НИОКР. Сочетание этих факторов способствовало увеличению миграционных потоков из республик бывшего СССР в ФРГ и, как следствие, образованию там многочисленной диаспоры. Важным институциональным элементом в появлении крупного сообщества выходцев из Советского Союза также стала репатриационная политика германских властей, основанная на законе «О беженцах и перемещенных лицах» 1953 года и нацеленная на привлечение этнических немцев, проживавших в бывших союзных республиках, в Германию, которые могли претендовать на статус «переселенца» или «позднего переселенца» в зависимости от даты прибытия в ФРГ (лица, приехавшие в Германию после 1 января 1993 года, стали именоваться «поздними переселенцами»).

Об увеличении масштабов эмиграции свидетельствует и статистика: если с 1950 по 1990 годы в ФРГ из нашей страны уехали 250 тыс. человек, то с 1990 по 2000 годы этот показатель составил около 1,7 млн человек [DESTATIS]. Пропорционально — уже хотя бы за счет эффекта масштаба — росло и число бывших, действующих и потенциальных научных работников среди обоих типов переселенцев.

В данном контексте следует сделать оговорку относительно разграничения собственно российской и русскоязычной диаспоры. Последняя очевидным образом шире первой и включает в себя эмигрантов из бывших союз-

ных республик, а гипотетически также и из третьих стран. Указанный выше закон давал право репатриироваться в ФРГ не только проживавшим на территории РСФСР/РФ этническим немцам, но и представителям данной группы из Казахстана, Украины, других государств СНГ. При том, что владение ими русским языком видится органической предпосылкой к сближению и, возможно, даже к консолидации, в настоящей работе авторы рассматривают именно *российскую*, а не русскоязычную научную диаспору для того, чтобы методологически более корректно оценить ее статические показатели и рассмотреть взаимодействие с властями РФ. Аналогичные исследовательские вопросы и научно-практические проблемы применительно к Казахстану, Украине и иным странам постсоветского пространства требуют отдельного анализа, который выходит за рамки настоящей работы.

Проблема «утечки умов»¹ из России остается в фокусе внимания исследователей и общественно-политических кругов, накладывая заметный отпечаток на структуру общего миграционного потока из России [Рязанцев, Письменная, 2013]. Дополнительный импульс миграции задействованных в сфере НИОКР кадров придала усилившаяся в последние десятилетия конкуренция ведущих экономик мира за высококвалифицированные кадры, которую профессор Университета штата Теннесси А. В. Коробков, будучи сам представителем российской научной диаспоры в США [Коробков, 2012], назвал «охотой за умами» (англ. *brain hunt*). Массовый отъезд российских ученых в зарубежные страны привел к постепенному формированию там научных диаспор, что не обошло стороной и ФРГ как одну из наиболее экономически развитых стран мира [Райнхардт, 2015], а также важнейшую точку притяжения эмигрантов из бывшего СССР. Описанные обстоятельства обуславливают актуальность исследуемой темы как в фундаментально-научном, так и в прикладном ее измерении.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время научные диаспоры как самостоятельный предмет исследований по-прежнему находятся на достаточно ранней стадии изучения [Райнхардт и др., 2022]. В связи с этим в экспертном дискурсе отсутствует консенсус относительно содержания данного термина и допустимости его использования.

Так, один из ведущих отечественных специалистов в исследуемой области И. Г. Дежина определяет российскую научную диаспору как со-

1 В специализированной литературе, равно как и в СМИ, также встречается синонимичное словосочетание «утечка мозгов». Из семантических соображений авторы отдают предпочтение первому («утечка умов»), учитывая также и то, что второе представляется дословной калькой с английского языка (англ. *brain drain*).

общество ученых — выходцев из стран СССР и РФ, «продолжающих активные научные исследования за рубежом, решающих сходные проблемы адаптации к новым условиям и, как результат, стремящихся поддерживать отношения друг с другом, а также с оставшимися на родине коллегами, друзьями и близкими» [Дежина, 2012].

Член-корреспондент РАН С. В. Рязанцев дополняет определение И. Г. Дежиной, включая в понятие диаспоры русскоязычных исследователей, «активно поддерживающих деловые контакты с соотечественниками, проживающими за рубежом» [Рязанцев и др., 2013]. Другой признанный специалист А. Г. Аллахвердян полагает, что рассматривать феномен российской научной диаспоры строго через призму понятия диаспоры как группы соотечественников, которые в той или иной степени поддерживают связь с родиной, можно лишь условно ввиду высокого уровня ассимиляции и интеграции ученых в обществе принимающей страны, тогда как само сообщество русскоязычных ученых за рубежом весьма «атомизировано» [Аллахвердян, 2007].

Феномен научной и научно-технологической диаспоры, а также интеллектуальной миграции в контексте образования диаспоры как таковой достаточно глубоко изучен рядом зарубежных исследователей [Scientific Diasporas, 2006]. Различным аспектам существования отдельных российских и отчасти русскоязычных научных диаспор, равно как и их совокупности, посвящены труды А. Г. Аллахвердяна [Агамова и др., 2006; Аллахвердян, 2007; Аллахвердян, 2020], Д. С. Аушкап [Аушкап и др., 2019; Shiryayev et al., 2019], И. Г. Дежиной [Дежина, 2012; Дежина, 2015; Дежина, 2016], М. А. Юревича [Аушкап и др., 2019, Юревич и др., 2020], а также других авторов [Безвербный, 2018; Игнатов, 2013; Коробков, 2012; Малахов и др., 2020; Осина, 2013; Рязанцев и др., 2013; Хабырина и др., 2018].

В то же время, хотя в научной литературе можно встретить работы, посвященные частным проблемам заявленной проблематики (например, монография под редакцией А. Ю. Чепуренко, затрагивающая в числе прочего тематику отношения русскоязычных ученых в ФРГ к развитию науки в России и возможности возвращения на родину [Чепуренко и др., 2005]), стоит отметить отсутствие комплексных исследований российской научной диаспоры в Германии, механизмов ее формирования и самоорганизации.

С учетом продолжающегося таким образом формироваться предметного поля и обозначенных нюансов в рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть процесс формирования российской научной диаспоры в ФРГ с 1990-х по 2010-е годы, исходя из инклюзивного определения данного феномена, то есть включая в целевую исследуемую группу всех лиц,

занятых в секторе НИОКР ФРГ, имеющих этнические и социальные связи с Россией, владеющих русским языком, ассоциирующих себя с российской культурой, независимо от их аффилиации, гражданства и политических убеждений.

Наряду с этим авторы рассматривают задействованные германскими властями механизмы привлечения научных кадров из России, а также взаимодействие российских властей с научной диаспорой в ФРГ в исследуемый период, в том числе посредством инструментов научной дипломатии [Райнхардт и др., 2022].

Выбранные авторами хронологические рамки исследования (1991—2019) охватывают наиболее активные периоды образования российской научной диаспоры в Германии (1990—2000-е годы), проходившего синхронно с формированием политики руководства ФРГ по привлечению ученых с постсоветского пространства, а также деятельности российских властей по налаживанию контактов с соотечественниками из числа научных работников (2000—2010-е годы). Пандемия новой коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2020 году, прямым и непосредственным образом сказалась на академической мобильности. Не менее значимым стало влияние на объект и предмет исследования эскалации международной напряженности после 2022 года. Данные качественные сдвиги определили верхнюю границу хронологических рамок.

Источниковую базу исследования составили данные российского [Госкомстат, 2003] и германского [DESTATIS] государственных статистических ведомств, использованные для анализа структуры российской научной диаспоры в ФРГ, динамики ее роста в рассматриваемый период и сопоставления с аналогичными диаспоральными группами; документы Германской службы академических обменов и некоторых других профильных структур, а также ряд аналитических материалов и первоисточников информации, многие из которых были впервые введены в научный оборот. Среди последних стоит выделить стенограмму отчета правительства ФРГ перед парламентом 2017 году, в которой были освещены вопросы привлечения научных кадров из России по линии различных организаций и результаты такой деятельности [DB, 2017].

Важную роль при проведении исследования в части взаимодействия российских властей с научной диаспорой сыграли материалы Посольства России в Берлине [О международном конгрессе ..., 2010], а также других задействованных в этом процессе структур [Фонд «Сколково» ..., 2012].

Последовательный анализ перечисленных источников позволил исследовать объект под различными углами и прийти за счет этого к теоретически значимым выводам.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление российской научной диаспоры в Германии на рубеже XX—XXI веков

Количественная оценка, равно как и анализ динамики численности российской научной диаспоры в ФРГ сопряжены с рядом технических трудностей. Приводимые далее статистические индикаторы были получены профильными ведомствами и независимыми исследовательскими коллективами главным образом путем социологических опросов, охватывавших лишь некоторые подгруппы научных работников, а в некоторых случаях — примыкавших к ним аспирантов и студентов. Достичь полного или, по крайней мере, приближающегося к полноте охвата всей выборки на практике едва ли возможно.

Тем не менее, если говорить о численности всей российской научной диаспоры за рубежом, то, например, в исследовании 2012 года, проведенном А. В. Коробковым, она оценивается на уровне 150—200 тыс. человек [Коробков, 2012]. С. В. Рязанцев и Е. Е. Письменная в тот же период указывают цифру в 100—150 тыс. человек [Рязанцев и др., 2013]. Более ранние работы приводят оценки с еще бóльшим интервалом значений: 50—200 тыс. человек [Агамова и др., 2006].

Что касается ФРГ, то, по данным исследований и опросов разных лет, на нее стабильно приходится около 12—18 % всех российских исследователей, работающих за рубежом: это делает страну наиболее привлекательной для научных работников из постсоветского пространства после США [Shiryaev et al., 2019]. К аналогичному выводу приходят А. Субботин и С. Ареф при анализе публикаций российских исследователей на основе базы данных Scopus за 1996—2020 годы с использованием достаточно нетривиальных науко- и библиометрических методик [Subbotin et al., 2021].

Исходя из этого, на основе агрегации и усреднения имеющихся данных можно оценить численность российской научной диаспоры ФРГ в 25—35 тыс. человек к середине 2010-х годов. Получение более точных статических и динамических оценок в настоящее время не представляется осуществимым.

Увеличение притока российских ученых в Германию в 1990-е годы подтверждается анализом географии происхождения приглашенных исследователей, работавших в германских университетах и научных центрах по программе Фонда им. А. Гумбольдта. Так, если в 1980-х годах большинство иностранцев, задействованных в секторе НИОКР, приезжали в ФРГ из США (13 %), Польши (11 %) и Японии (10 %), то в 1990-е годы произошел «поворот на Восток» и большая часть иммиграции научных работников приходилась на КНР и Россию (12 % и 11 % соответственно) [DAAD; DESTATIS].

Одна из немногих доступных на сегодняшний день официальных информационных сводок о структуре российской научной диаспоры за рубежом приводилась Госкомстатом (с 2004 года — Росстат) на рубеже XX—XXI веков (табл. 1). В ней содержалось распределение по отраслям науки и целям поездок тех исследователей, которые составляли ядро тогдашней научной диаспоры.

Таблица 1

Доля ФРГ в миграционном потоке российских научных работников
в 2002 году *

Отрасль науки	Доля Германии	Место среди остальных стран
Физика	29,2 %	1
Биология	12,0 %	2
Математика	14,0 %	2
Технические науки	9,9 %	2
Гуманитарные науки	19,7 %	2
Медицина	15,0 %	2

* Источник: составлено авторами на основе данных Государственного комитета Российской Федерации по статистике [Госкомстат, 2003].

На базе опубликованных национальным статистическим ведомством данных можно сделать вывод о том, что к началу XXI столетия ФРГ продолжала оставаться самой популярной после США страной для российских ученых, работающих в большинстве отраслей науки. При этом физики-выходцы из РФ ехали на родину В. Гейзенберга даже охотнее, чем в страну, подарившую миру Р. Фейнмана. Похожая картина наблюдалась при анализе целей поездок исследователей: Германия принимала примерно каждого четвертого (25,4 %) из направлявшихся за рубеж для учебы и стажировки и каждого пятого (21,6 %) из уехавших за границу для реализации совместного исследовательского проекта [Госкомстат, 2003].

Что касается наиболее распространенных путей эмиграции российских ученых в ФРГ, то преобладающим из них на протяжении рассматриваемого периода был переезд на постоянное место жительства для работы по бессрочным или долгосрочным контрактам в университетах, научных институтах и иных учреждениях.

Другим популярным каналом были стажировки и постдокторские программы, в рамках которых различные германские научные центры привлекали иностранных специалистов для участия в тех или иных исследовательских проектах с перспективой дальнейшего трудоустройства на

временный или постоянный контракт [Безвербный, 2018]. Здесь следует также выделить и отдельную категорию студентов, которые уезжали в ФРГ по временным учебным визам, а затем оставались в стране пребывания, воспользовавшись предусмотренными местным законодательством возможностями для трудоустройства по окончании учебы (табл. 2).

Таблица 2

Количество иностранных студентов, приехавших для обучения и оставшихся в ФРГ по окончании учебы*

Год / Страна	1999	2000	2001	2002
Россия	1807	2070	2504	2627
США	2245	2268	2363	2366
Китай	2096	3451	6180	6985
Польша	2362	2660	3208	3699

* Источник: составлено авторами на основе данных Федерального статистического ведомства Германии [DESTATIS].

Наряду с этим определенную и достаточно стабильную долю в общем рассматриваемом миграционном потоке составляли «поздние переселенцы» с ученой степенью, для которых переезд в Германию был самоцелью [(Spät-)Aussiedler, 2013]. Иными словами, решение об эмиграции принималось ими не только и не столько из профессиональных соображений, сколько из личных, и в частности семейных. Так на протяжении 1995—2020 годов в ФРГ ежегодно переезжало порядка 7 тыс. этнических немцев и их родственников с ученой степенью [DESTATIS].

Говоря о соотношении перечисленных каналов образования российской научной диаспоры ФРГ, необходимо отметить, что в 1990-е годы превалировал именно последний. Динамика изменилась в 2000-х годах, когда более распространенными стали целенаправленные поездки соотечественников в ФРГ по стипендиальным программам, что в немалой степени было обусловлено ростом числа инициатив германского правительства по привлечению зарубежных ученых.

К тому же периоду следует отнести начало некоторой, пусть и крайне незначительной по своему охвату, консолидации исследуемой группы. В русле нее была предпринята по крайней мере одна результативная попытка создания объединения ученых-выходцев из России.

Так, в 1999 году по инициативе исследователей из Штутгарта (столица федеральной земли Баден-Вюртемберг) и при поддержке Фонда им. О. Бенке было учреждено Германское общество русскоязычных ученых (нем.

Deutsche Gesellschaft russischsprachiger Wissenschaftler), объединившее живущих в Германии «русскоязычных деятелей НИОКР, научно-технических специалистов и интеллигенцию» [DGRW, 2004]. Основателями общества стали около 30 ученых-представителей «поздних переселенцев» и еврейских иммигрантов, они же приняли и устав организации и провозгласили интеграцию высококвалифицированных русскоязычных специалистов в научно-техническую среду ФРГ как главную цель общества. Спустя пять лет после своего создания Германское общество русскоязычных ученых, председателем которого являлся сотрудник Политехнического института в Ретлингене Н. Нойбергер, насчитывало уже 60 человек, включая 30 профессоров и докторов наук [DGRW, 2004]. Помимо помощи в интеграции русскоязычных специалистов в Германии, общество выступало с инициативами по сотрудничеству между местными высшими учебными заведениями и университетами России и стран СНГ, а также с повесткой привлечения молодых специалистов в ФРГ. Организация вела плодотворную деятельность на протяжении более пятнадцати лет, однако затем ее активность снизилась, и в 2016 году она была реорганизована в Международный форум науки, образования и культуры на фоне «изменений притока русскоязычного населения в ФРГ и приоритетов германского общества» [DB, 2017].

Кроме того, некоторые ученые-соотечественники в Германии начиная со второй половины 2000-х годов принимали участие в деятельности глобальной Русскоязычной научно-академической ассоциации (англ. Russian-speaking Academic Science Association, RASA) [Райнхардт и др., 2022]. Проживающие в ФРГ исследователи из России составляли одну из крупнейших секций научных работников, представленных в данной организации, однако в дальнейшем фокус ее работы сместился: с 2018 года на официальном сайте ассоциации она значится как Russian-American Science Association (рус. Русско-американская ассоциация ученых), исходя из чего можно предположить, что с идейной платформы RASA исчезла связь с русским языком как ключевым объединяющим фактором [RASA].

За исключением отмеченных амбициозных по своему замыслу, однако весьма скромных по масштабу попыток создать институциональную базу для горизонтального взаимодействия членов научной диаспоры, других аналогичных инициатив отмечено не было. Рассудительные, но по большей части робкие речи работающих в ФРГ российских ученых на русском и немецком языках в части, выходящей за пределы их профессиональной тематики, были практически не слышны ни на Родине, ни в стране пребывания.

Это можно объяснить сравнительно высокой «атомизированностью» [Аллахвердян, 2007] научной диаспоры в ФРГ и автономностью ее членов на протяжении всего рассматриваемого периода. Что касается их внутрен-

него (между собой) и внешнего (как с властями Германии, как и с различными организациями в России) взаимодействия, то оно носило спорадический характер и зачастую принимало форму частных партнерств между индивидуальными исследователями и / или научными учреждениями, тогда как на государственном уровне проблематике сотрудничества с научной диаспорой в ФРГ до 2010-х годов внимания практически не уделялось.

3.2. Механизмы привлечения российских научных работников в ФРГ

Лидирующие позиции ФРГ как страны, принимающей российских исследователей в 1990—2010-е годы, были обусловлены не только упомянутыми выше тесными историческими связями, но и широким спектром механизмов, которые стали использоваться германскими властями и организациями для привлечения научных работников из-за рубежа. Эти механизмы последовательно развивались как экстенсивно в ключе увеличения притока высококвалифицированных мигрантов, так и интенсивно с прицелом на углубление их интеграции.

В 1993 году в Москве открылось отделение Германской службы академических обменов (DAAD) — одной из ведущих в мире организаций подобного рода, нацеленной в том числе на привлечение иностранных студентов и исследователей в ФРГ посредством предоставления им финансовой и нефинансовой поддержки. В 1995—2005 годах порядка 3000 человек из России ежегодно получали стипендию DAAD, причем такая поддержка распространялась также на научно-педагогические кадры, включая перспективных аспирантов [DAAD].

Немаловажную роль в привлечении российских ученых в ФРГ сыграли и другие германские научные организации и фонды. Так, еще в последние годы существования СССР советские исследователи были в числе лидеров по объемам поддержки, выделяемой Фондом им. А. Гумбольдта. С 1993 по 2004 годы Россия уступала лишь Китаю и США по количеству ученых, получивших финансирование по линии этого фонда [Чепуренко и др., 2005]. С похожей целью в 2003 году в Москве было открыто бюро Немецкого научно-исследовательского сообщества.

Как следует из стенограммы отчета правительства ФРГ перед Бундестагом, к 2017 году более 400 научных работников из России также получили поддержку со стороны двух крупных германских научно-исследовательских организаций — Общества Макса Планка и Объединения им. Гельмгольца [DB, 2017].

В качестве отдельной категории организаций, оказывающих поддержку исследователям из России, стоит выделить общественно-политические фонды, близкие к ведущим политическим партиям ФРГ. Данные структуры нача-

лю свою деятельность в СССР и в России как его правопреемнице еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов, открывая свои представительства (офисы) в стране и выстраивая многочисленные партнерские связи не только с российскими учеными, университетами и научными центрами, но также с неправительственными организациями. В 1989 году в Москве открылся офис Фонда им. Ф. Эберта, близкого к Социал-демократической партии (СДПГ) ФРГ, а в 1991 и 1992 годах открылись представительства Фонда К. Аденауэра, близкого к Христианско-демократическому союзу (ХДС), и Фонда Ф. Науманна, идейно примыкающего к Свободной демократической партии (СвДП) Германии, соответственно. В 1990—2000-х годах названные фонды ежегодно предоставляли стипендии десяткам аспирантов и молодых исследователей из России для учебы и научной деятельности в ФРГ [DB, 2017].

На рубеже XX—XXI веков правительство ФРГ также инициировало ряд законодательных мер для увеличения притока высококвалифицированных мигрантов на фоне усиливающейся глобальной конкуренции за привлечение специалистов. В 2000 году власти Германии запустили программу «Зеленая карта», действовавшую до 2004 года, которая была нацелена на упрощение процедуры оформления вида на жительство и устройства на работу зарубежных специалистов главным образом в области информационных технологий [DB, 2017]. Впрочем, названная программа также вовлекла в себя ряд научных работников из смежных сфер, которые смогли воспользоваться преимуществами новой системы. Таким образом, ее вполне допустимо трактовать как один из инструментов научной дипломатии [Райнхардт и др., 2022]. Около 13 % специалистов, получивших «Зеленую карту», были выходцами из стран бывшего СССР [DB, 2017]. Позднее — в начале 2010-х годов — этот германский эксперимент лег в основу «Голубой карты» Европейского союза — документа, предоставляющего вид на жительство и право на работу высококвалифицированных специалистов из третьих стран.

В 2000-е годы власти ФРГ также принимали различные политические меры для привлечения иностранных аспирантов и студентов. Среди таких мер было внедрение проекта «Ворота Германии» (GATE Germany) в 2001 году, представляющего собой платформу для продвижения высших учебных заведений среди иностранных студентов. Похожим проектом является «PhD Germany» — созданный на платформе DAAD сервис, позволяющий аспирантам и молодым исследователям найти подходящую для них постдокторскую программу [DAAD].

Значимой программой правительства ФРГ также являлась «Exzellenzinitiative», стартовавшая в 2006 году с целью повышения привлекательности германских вузов как научно-исследовательских центров для выдающихся иностранных ученых. На программу, действовавшую до

2017 года, всего было выделено больше 4,5 млрд евро [DB, 2017]. Примечательно, что партнерство с Россией в сфере науки и активизация взаимодействия с российскими учеными указывались правительством ФРГ в числе приоритетных задач программы в области международного сотрудничества [DAAD].

Названные и другие программы в общей сложности привели к тому, что основным фактором формирования российской диаспоры стал не этнический, а профессиональный. Иными словами, если на первом этапе иммиграционной политики (1990-е годы) Германия делала ставку на «поздних переселенцев», среди которых были и научные кадры, то на втором этапе (начиная с 2000 года) началась тонкая перенастройка данной политики. В итоге фокус плавно сместился в сторону привлечения ведущих ученых, что в определенном смысле стало самоцелью новой концепции и сделало ее более соотносимой с инструментарием научной дипломатии.

3.3. Взаимодействие научной диаспоры в ФРГ с российскими государственными органами

Начало 2010-х годов, в свою очередь, было отмечено возросшим интересом российских властей к научной диаспоре, и на официальном уровне стали предприниматься попытки выстроить регулярное взаимодействие с проживающими за рубежом учеными-соотечественниками. К тому моменту уже назрела необходимость разработки системного подхода к контактам с научной диаспорой, а частичное возвращение ее представителей в Россию стало рассматриваться Москвой в качестве приоритетной цели такого взаимодействия. Германии как одной из наиболее популярных стран эмиграции российских исследователей отводилось особое место в рамках данного сотрудничества.

В 2010 году в Берлине состоялся первый международный конгресс соотечественников-выпускников российских вузов, который собрал более ста российских ученых, проживавших в ФРГ [О международном конгрессе ..., 2010]. Мероприятие, организованное совместно Министерством образования и науки России, Посольством России в ФРГ, а также Россотрудничеством и Республиканским центром экспертизы (ФГБНУ НИИ РИНК-ЦЭ), было нацелено на обмен мнениями по вопросам о реформировании отечественной науки и системы высшего образования, о роли российских исследователей в данном процессе и перспективах их возвращения в Россию. Участниками конгресса стали такие видные представители российской научной диаспоры в Германии, как заведующий кафедрой и лабораторией экспериментальной физики Технологического института Карлсруэ А. В. Устинов, ведущий научный сотрудник Юлихского исследовательского центра Д. В. Бородин, член-корреспондент РАН, директор Института психологии дрезденского университета Б. М. Величковский.

В ходе мероприятия были обозначены сохраняющиеся структурные недостатки в российском комплексе НИР, ведущие к оттоку специалистов за рубеж: неопределенность вокруг социальных гарантий, низкая оплата труда, ограниченные финансовые и инфраструктурные возможности для проведения исследований, бюрократия, разобщенность вузов и НИИ. Так, А. В. Устинов, уехавший в ФРГ в 1989 году после получения стипендии Фонда имени А. Гумбольдта и в 1996 году ставший первым физиком из бывшего СССР, который получил постоянную должность профессора в германском университете, отметил, что условия жизни для ученых его уровня в Германии значительно лучше, чем в России, а его специальность — физика низких температур и сверхпроводимость — была крайне востребованной на Западе [Российские ученые ..., 2010].

Конгресс соотечественников-выпускников в Берлине стал пилотной инициативой российских властей подобного рода и масштаба, нацеленной на выстраивание постоянного диалога с представителями научной диаспоры в Германии. И хотя еще рано было говорить о существенном вкладе мероприятия в укрепление взаимодействия между русскоязычным научным сообществом из ФРГ и российской наукой, встреча сигнализировала готовность властей к дальнейшим мерам по налаживанию соответствующей работы.

Параллельно с этим относительно продуктивно осуществлялось сотрудничество в частном порядке между российскими исследователями, работающими в ФРГ, и отдельными научными центрами и университетами России. Тот же А. В. Устинов участвовал в крупных российско-германских научных проектах, а в 2011 году стал заведующим лабораторией сверхпроводящих материалов НИТУ «МИСиС». Б. М. Величковский, помимо работы в Дрездене, руководил рядом исследований в сфере когнитивных наук в НИЦ «Курчатовский институт». Немаловажную роль в подобных инициативах играла и финансовая помощь, выделявшаяся российскими организациями в тот период: так, например, В. Г. Спокойный, профессор Гумбольдского университета в Берлине, создал собственную лабораторию в России после получения гранта в размере 150 млн рублей [Фонд «Сколково», 2012].

В 2011—2012 годах было организовано еще несколько площадок для диалога между российской научной диаспорой в Германии, с одной стороны, и российскими государственными органами, а также научно-исследовательскими центрами, с другой стороны. Так, в 2011 году состоялся круглый стол «О вкладе соотечественников Германии в модернизацию России», собравший авторитетных специалистов в области науки и техники. В рамках данного мероприятия с докладами выступали представители диаспоры с богатым опытом налаживания связей между зарубежными российскими исследователями — в частности, член RASA профессор Б. Чи-

чиков из Ганноверского университета и профессор А. Шипулин из Йенского университета [Круглый стол..., 2011]. Стоит отметить, что, как и в случае с конгрессом соотечественников-выпускников, в проведении данного круглого стола значимую роль сыграла научная дипломатия: коспонсорам мероприятия выступили Департамент по работе с соотечественниками МИД России, Посольство России в ФРГ и Россотрудничество [Круглый стол..., 2011].

В 2012 году в Берлине фонд «Сколково» также провел встречу с соотечественниками-учеными, в которой приняли участие более 30 исследователей из различных городов ФРГ [Фонд «Сколково» ..., 2012]. Примечательно, что для организации форума были задействованы многочисленные контакты с российской научной диаспорой в ФРГ, установленные в ходе двух проведенных ранее и описанных выше мероприятий. На встрече были представлены проекты «Сколково» по репатриации ученых в Россию, обсуждались проблемы и перспективы текущего взаимодействия, в том числе в формате двусторонних «мегагрантов».

Несмотря на активные меры российского руководства по продвижению диалога с научной диаспорой в ФРГ в период 2010—2012 годов, дальнейшего развития данные программы не получили и уже к середине 2010-х годов стали фактически затухать. Определенную роль в этом, думается, сыграло и изменение геополитических реалий после присоединения к России Крыма в 2014 году, которое было неоднозначно и в основном негативно воспринято в германских правительственных и научных кругах. Инициативы, реализованные во второй половине 2010-х годов (например, «Дни Политеха в Берлине 2020» для выпускников Санкт-Петербургского политехнического университета), носили уже точечный, а не универсальный характер и были рассчитаны на ограниченную целевую аудиторию.

В итоге после двадцати лет инертности и двухлетнего всплеска активности тема взаимодействия с научной диаспорой в ФРГ вновь стала терять приоритетность в глазах лиц, принимающих решения в области российской внешней и научной политики. Немногочисленные и разрозненные призывы реанимировать этот диалог подвергались критике, в том числе и со стороны представителей самой научной диаспоры. Главной их претензией еще в «лучшие времена», то есть на рубеже 2000—2010-х годов, было отсутствие четкой координации и согласованности мер [Российские ученые ..., 2012]. С течением времени взаимное разочарование членов диаспоры и российских администраторов от науки, вероятно, лишь нарастало. Сама же численность научной диаспоры по прямым и косвенным показателям демонстрировала устойчивый рост без поправки на конъюнктурные факторы (табл. 3).

Таблица 3

Число российских научных работников
в высших учебных заведениях ФРГ *

Год	2012	2013	2014	2015
Общее число научных работников	1.872	1.981	2.017	2.098
Среди них профессоров	75	81	83	79

* Источник: составлено авторами на основе данных Германской службы академических обменов [DAAD].

Таким образом, можно резюмировать, что за исключением непродолжительного промежутка 2010—2012 годов российская научная диаспора в ФРГ как единое, пусть и крайне гетерогенное *«этнопрофессиональное»* сообщество мало взаимодействовало с российскими государственными органами. Несмотря на имеющийся задел, возобновления сотрудничества в дальнейшем не наблюдалось.

4. Заключение = Conclusions

Российская научная диаспора в ФРГ, будучи одной из крупнейших диаспор подобного рода в мире, предстает достаточно неоднородным сообществом. Это проистекает как из самой ее структуры, в которой широко представлены специалисты по различным сферам науки, так и из процесса ее формирования в 1990-е, а затем в 2000-е и в 2010-е годы. Если изначально наиболее распространенным каналом эмиграции ученых и, соответственно, образования диаспоры была программа репатриации «поздних переселенцев», то впоследствии все более значимую роль стали играть иные механизмы привлечения российских ученых в ФРГ: стипендии, постдокторские программы, постоянные и временные контракты в университетах и научных центрах. Имманентно присущая российской научной диаспоре в Германии «пестрота» отрицательно сказывалась на ее консолидационном потенциале. До сих пор единственная известная попытка самоорганизации научной диаспоры в ФРГ имела место в конце 1990-х годов в Штутгарте, где было образовано Германское общество русскоязычных ученых, просуществовавшее в изначальном виде в течение лишь чуть более полутора десятилетий.

В тот же период власти ФРГ постепенно оптимизировали и модифицировали инструменты по стимулированию притока зарубежных высококвалифицированных кадров, значительную часть из которых составляли выходцы из постсоветского пространства и особенно из России. Среди таких инструментов: финансируемые за счет средств федерального бюджета научно-образовательные фонды, политические фонды, законодательные инициативы

и многочисленные программы, направленные на приглашение иностранных специалистов. С 1990-х годов ведущие профильные фонды (DAAD, Фонд имени А. Гумбольдта и другие) открывали свои офисы в России и принимали весьма эффективные меры, оказывая поддержку сотням ученых, многие из которых переехали в Германию на постоянное проживание.

Политика российского руководства в отношении научной диаспоры в ФРГ, в свою очередь, тоже прошла определенную эволюцию: если в первое десятилетие после распада СССР российские власти весьма инертно реагировали на проблему «утечки умов», то в конце 2000-х — начале 2010-х годов начали предприниматься усилия по укреплению связей с соотечественниками-учеными за рубежом. Хотя данные меры и носили эпизодический, а не системный характер, они свидетельствовали о возросшем интересе государства к научной диаспоре в ФРГ. В ходе диалога с российскими исследователями, проживавшими в Германии, выявлялись основные проблемы, мешающие ученым вернуться на родину: в частности, диспропорции в финансировании, необходимость структурных реформ российской научно-образовательной сферы и другие. При этом практический эффект от таких контактов, который мог бы отражаться в росте репатриации научных работников или, например, в увеличении числа партнерств между российскими научными институтами и исследователями-соотечественниками из ФРГ, был ограниченным — в немалой степени из-за де-факто сворачивания данного взаимодействия к середине 2010-х годов.

Тем не менее российская научная диаспора в ФРГ в силу своей многочисленности и наличия в ее рядах видных ученых продолжает обладать большим потенциалом для развития отечественной науки. Уже имевшийся к 2010-м годам уровень взаимодействия между исследователями в ФРГ и российскими научными и государственными структурами не только способствовал взаимовыгодному обмену мнениями, но и породил новые форматы сотрудничества в виде совместных проектов между научными центрами двух стран. Именно поэтому продолжение такого научного диалога в настоящее время, несмотря на имеющиеся объективные сложности, представляется важным для дальнейшего развития российской, германской и, в конечном счете, мировой науки, равно как и для международного научно-технического сотрудничества в целом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Госкомстат, 2003 — *Государственный* комитет Российской Федерации по статистике. о численности сотрудников, работавших за рубежом в 2002 году. — Москва — Индекс 3808, код работы 1512003.
2. *Круглый стол «О вкладе соотечественников в модернизацию России»*. Исток. 29.11.2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://istok-ev.org/pages/71-modernizacija> (дата обращения 05.03.2024).
3. *О международном конгрессе соотечественников-выпускников российских вузов, работающих в России и за рубежом*. Посольство России в ФРГ. 25.05.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://germany.mid.ru/ru/press-centre/news/de_ru_2010_05_25_o-mezhdunarodnom-kongresse-sootechest/ (дата обращения 05.03.2024).
4. *Российские ученые, работающие за рубежом, не спешат возвращаться* [Электронный ресурс] / А. Розэ // Российская газета. 26.05.2010. — Режим доступа : <https://rg.ru/2010/05/26/uchenye.html> (дата обращения 05.03.2024).
5. *Фонд «Сколково» провел встречу с зарубежными учеными-соотечественниками* [Электронный ресурс] / Ю. Еременко // Русский век. 12.03.2012. — Режим доступа : https://ruvek.mid.ru/publications/fond_skolkovo_provel_vstrechu_s_zarubezhnymi_uchenymi-sootechestvnikami_6663/ (дата обращения 05.03.2024).
6. DAAD — *Deutscher Akademischer Austauschdienst* [Electronic Resource]. — Access mode : <https://www.daad.de/de/> (accessed 05.03.2024).
7. DB, 2017 — *Deutscher Bundestag*. Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. André Hahn, Andrej Hunko, Annette Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion Die Linke. Berlin. — Drucksache 18/13698 vom 23.10.2017. — 24 s.
8. DESTATIS — *Bundesamt für Statistik* [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (accessed 05.03.2024).
9. DGRW, 2004 — *Deutsche Gesellschaft russischsprachiger Wissenschaftler*. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://forum-wbk.de/wp-content/uploads/Jubileumsblatt-Nr.3.pdf> (accessed 05.03.2024).
10. RASA — *Russian-American Science Association*. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://rasa-usa.org/> (accessed 05.03.2024).
11. *Scientific Diasporas* // Science. Policy Forum. — 2006. — Vol. 312. — Is. 5780. — Pp. 1602—1603.
12. *(Spät-)Aussiedler in Deutschland. Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse*. Forschungsbericht 20 / S. Worbs, E. Bund, M. Kohls, C. B. von Gostomski. — Berlin : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2013. — 248 s.

Литература

1. *Агамова Н. С.* Динамика утечки умов и становления российской научной диаспоры / Н. С. Агамова, А. Г. Аллахвердян // Наука. Инновации. Образование. — 2006. — Т. 1. — № 1. — С. 104—120.
2. *Аллахвердян А. Г.* Кадровый спад в технических и естественных науках и эмиграция российских исследователей / А. Г. Аллахвердян // Наука и инновации. — 2020. — № 8 (210). — С. 80—83.
3. *Аллахвердян А. Г.* Российская научная диаспора как составляющая отечественной науки на рубеже XX—XXI веков / А. Г. Аллахвердян // Российский химический журнал. — 2007. — № 3 (51). — С. 99—107.

4. Аушкап Д. С. Мировой опыт взаимодействия с учёными-соотечественниками : уроки для России / Д. С. Аушкап, В. А. Малахов, М. А. Юревич // Вестник Российской академии наук. — 2019. — Т. 89. — № 7. — С. 688—698.
5. Безвербный В. А. Российская научная диаспора в зарубежных странах : масштабы и причины «утечки умов» на современном этапе / В. А. Безвербный // Научное обозрение. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2018. — № 4—5. — С. 26—34. — DOI: 10.20339/AM.12-23.016.
6. Дежина И. Г. Перспективы участия ученых-соотечественников в развитии российской науки / И. Г. Дежина // Экономическое развитие России. — 2015. — Т. 22. — № 2. — С. 104—107.
7. Дежина И. Г. Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками / И. Г. Дежина // Экономика и прогнозирование. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 9—24.
8. Дежина И. Г. Русскоязычная научная диаспора: опыт и перспективы сотрудничества с Россией / И. Г. Дежина // Социология науки и технологий. — 2016. — Т. 7. — № 1. — С. 134—149.
9. Зевелева О. И. Миграционная политика и коллективная идентичность : опыт российских немцев в Германии / О. И. Зевелева // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 6. — С. 114—126.
10. Игнатов И. И. Сотрудничество российского научного сообщества с зарубежной русскоязычной диаспорой : пролог к новым моделям / И. И. Игнатов // Наука. Инновации. Образование. — 2013. — Т. 8. — № 1. — С. 244—269.
11. Коробков А. В. Российская научно-технологическая диаспора в США / А. В. Коробков // Российский совет по международным делам. 17.05.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tehnologicheskaya-diaspora-v-ssha/> (дата обращения 05.03.2024).
12. Малахов В. А. Структура международной миграции ученых на примере России / В. А. Малахов, И. Н. Васильева, Ф. Д. Белов // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 5. — С. 232—246. — DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14.
13. Осина А. И. Российская научная диаспора и подходы к сотрудничеству с ней для развития российской науки / А. И. Осина // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 8. — С. 118—120.
14. Павлов Н. В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс. (история с продолжением) / Н. В. Павлов. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 558 с.
15. Райнхардт Р. О. «Дипломатия для науки» в интерпретации российских научных и дипломатических работников / Р. О. Райнхардт, А. Н. Панов // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 2. — С. 115—129. — DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.09>.
16. Райнхардт Р. О. Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824—1825) / Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 466—476. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-466-476.
17. Райнхардт Р. О. Современная система экономической дипломатии ФРГ / Р. О. Райнхардт // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 3. — С. 225—231.
18. Рязанцев С. В. Эмиграция ученых из России : «циркуляция» или «утечка» умов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Социологические исследования. — 2013. — № 4 (348). — С. 24—35.

19. Стародубцев Г. С. Становление русской научной международно-правовой диаспоры в Берлине (20-е гг. XX столетия) / Г. С. Стародубцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2014. — № 4. — С. 337—346.
20. Турнаев В. И. Немецкие ученые в послепетровской России : встреча с действительностью / В. И. Турнаев // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». — 2005. — № 289 (декабрь). — С. 65—72.
21. Харьбина Т. Н. Анализ модели взаимодействия с русскоязычной научной диаспорой за рубежом на примере ИБФМ РАН / Т. Н. Харьбина, Е. В. Бескаравайная, Ю. В. Мохначева // Информация и инновации. — 2018. — Т. 13. — № 4. — С. 89—98.
22. Чепуренко А. Ю. Воспроизводство научной элиты в России : роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда имени А. Гумбольдта) / А. Ю. Чепуренко, Л. М. Гохберг, О. Р. Шувалова, А. В. Соколов. — Москва : Франтэра, 2005. — 232 с. — ISBN 5-94009-023-9.
23. Юревич М. А. Измерение международной мобильности российских ученых : библиометрический подход / М. А. Юревич, Д. С. Еркина, И. П. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64. — № 9. — С. 53—62. — DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-53-62.
24. Shiryayev A. Digital technology research of the number of scientific diaspora / A. Shiryayev, D. Aushkap // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — 2019. — Vol. 240. — Pp. 1—4.
25. Subbotin A. Brain drain and brain gain in Russia : Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996—2020 / A. Subbotin, S. Aref // Scientometrics. — 2021. — Vol. 126. — Pp. 7875—7900.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 20.04.2024.

Material resources

- About the international congress of compatriots-graduates of Russian universities working in Russia and abroad. The Russian Embassy in Germany. 05/25/2010.* Available at: https://germany.mid.ru/ru/press-centre/news/de_ru_2010_05_25_o-mezhdunarodnom-kongresse-sootechest/ (accessed 03/05/2024). (In Russ.).
- DAAD — *Deutscher Akademischer Austauschdienst.* Available at: <https://www.daad.de/de/> (accessed 05.03.2024). (In Germ.).
- DB, 2017 — *Deutscher Bundestag.* (2017). *Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. André Hahn, Andrej Hunko, Annette Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion Die Linke.* Berlin. Drucksache. 24 s. (In Germ.).
- DESTATIS — *Bundesamt für Statistik.* Available at: https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (accessed 05.03.2024). (In Germ.).
- DGRW, 2004 — *Deutsche Gesellschaft russischsprachiger Wissenschaftler.* Available at: <https://forum-wbk.de/wp-content/uploads/Jubileumsblatt-Nr.3.pdf> (accessed 05.03.2024). (In Germ.).
- Goskomstat, 2003 — *The State Committee of the Russian Federation on Statistics. on the number of employees who worked abroad in 2002. Moscow — Index 3808, work code 1512003.* (In Russ.).

- RASA — *Russian-American Science Association*. Available at: <https://rasa-usa.org/> (accessed 05.03.2024).
- Round table “On the contribution of compatriots to the modernization of Russia”. *The source*. 29.11.2011. Available at: <http://istok-ev.org/pages/71-modernizaciya> (accessed 03/05/2024). (In Russ.).
- Russian scientists working abroad are in no hurry to return. (2010). *Rossiyskaya Gazeta*. 26.05. Available at: <https://rg.ru/2010/05/26/uchenye.html> (accessed 03/05/2024). (In Russ.).
- Scientific Diasporas. (2006). *Science. Policy Forum*, 312 (5780): 1602—1603.
- (Spät-)Aussiedler in Deutschland. (2013). *Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse. Forschungsbericht 20*. Berlin: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. 248 s. (In Germ.).
- The Skolkovo Foundation held a meeting with foreign scientists-compatriots. (2012). *Russian century*. 12.03. Available at: https://ruvek.mid.ru/publications/fond_skolkovo_provel_vstrechu_s_zarubezhnymi_uchenymi_sootechestvennikami_6663/ (accessed 03/05/2024). (In Russ.).

References

- Agamova, N. S., Allakhverdyan, A. G. (2006). Dynamics of brain drain and the formation of the Russian scientific diaspora. *Nauka. Innovation. Education*, 1 (1): 104—120. (In Russ.).
- Allakhverdyan, A. G. (2007). The Russian scientific diaspora as a component of national science at the turn of the XX—XXI centuries. *Russian Chemical Journal*, 3 (51): 99—107. (In Russ.).
- Allakhverdyan, A. G. (2020). Personnel decline in technical and natural sciences and emigration of Russian researchers. *Science and Innovations*, 8 (210): 80—83. (In Russ.).
- Aushkap, D. S., Malakhov, V. A., Yurevich, M. A. (2019). World experience of interaction with fellow scientists: lessons for Russia. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 89 (7): 688—698. (In Russ.).
- Bezverbny, V. A. (2018). The Russian scientific diaspora in foreign countries: the scale and causes of the “brain drain” at the present stage. *Scientific Review. Series 2: Humanities*, 4—5: 26—34. DOI: 10.20339/AM.12-23.016. (In Russ.).
- Chepurenko, A. Yu., Gokhberg, L. M., Shuvalova, O. R. (2005). *Reproduction of the scientific elite in Russia: the role of foreign scientific foundations (on the example of the A. Humboldt Foundation)*. Moscow: Frantera. 232 p. ISBN 5-94009-023-9. (In Russ.).
- Dezhina, I. G. (2015). Prospects for the participation of fellow scientists in the development of Russian science. *The economic development of Russia*, 22 (2): 104—107. (In Russ.).
- Dezhina, I. G. (2016). Russian-speaking scientific diaspora: experience and prospects of cooperation with Russia. *Sociology of Science and technology*, 7 (1): 134—149. (In Russ.).
- Dezhina, I. G. (2012). The policy of Russia for the development of cooperation with foreign scientists-compatriots. *Economics and forecasting*, 10 (2): 9—24. (In Russ.).
- Ignatov, I. I. (2013). Cooperation of the Russian scientific community with the foreign Russian-speaking diaspora: prologue to new models. *Nauka. Innovation. Education*, 8 (1): 244—269. (In Russ.).
- Kharybina, T. N., Beskaravainaya, E. V. (2018). Analysis of the model of interaction with the Russian-speaking scientific diaspora abroad on the example of the IBFM RAS. *Information and innovations*, 13 (4): 89—98. (In Russ.).

- Korobkov, A. V. (2012). The Russian scientific and technological Diaspora in the USA. *Russian Council for International Affairs. 05.17*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/> (accessed 03.05.2024). (In Russ.).
- Malakhov, V. A., Vasilyeva, I. N., Belov, F. D. (2020). The structure of international migration of scientists on the example of Russia. *Economic and social changes: facts, trends, forecast, 13 (5)*: 232—246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14. (In Russ.).
- Osina, A. I. (2013). The Russian scientific diaspora and approaches to cooperation with it for the development of Russian science. *Theory and practice of social development, 8*: 118—120. (In Russ.).
- Pavlov, N. V. (2017). *Russia and Germany. A failed alliance. (a story with a sequel)*. Moscow: Aspect Press. 558 p. (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2022). “Diplomacy for science” in the interpretation of Russian scientists and diplomatic workers. *Polis. Political research, 2*: 115—129. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.09. (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2015). Modern system of economic diplomacy of Germany. *Bulletin of MGIMO University, 3*: 225—231. (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2020). Beginning of the Diplomatic Mission of the Ambassador of Spain J. M. Paez de la Cadena to the Russian Empire (1824—1825). *Nauchnyi dialog, 1 (11)*: 466—476. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-466-476. (In Russ.).
- Ryazantsev, S. V., Written, E. E. (2013). Emigration of scientists from Russia: “circulation” or “leakage” of minds. *Sociological research, 4 (348)*: 24—35. (In Russ.).
- Shiryayev, A. (2019). Digital technology research of the number of scientific diaspora. *Advances in Social Science. Education and Humanities Research, 240*: 1—4.
- Starodubtsev, G. S. (2014). The formation of the Russian scientific international legal diaspora in Berlin (the 20s of the XX century). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, 4*: 337—346. (In Russ.).
- Subbotin, A. (2021). Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996—2020. *Scientometrics, 126*: 7875—7900.
- Turnaev, V. I. (2005). German scientists in post-Petrine Russia: meeting with reality. *Bulletin of Tomsk State University. The series “History. Local history. Ethnology. Archaeology”, 289 (December)*: 65—72. (In Russ.).
- Yurevich, M. A., Yerkina, D. S., Tsapenko, I. P. (2020). Measuring the international mobility of Russian scientists: a bibliometric approach. *World Economy and International relations, 64 (9)*: 53—62. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-53-62. (In Russ.).
- Zeveleva, O. I. (2014). Migration policy and collective identity: the experience of Russian Germans in Germany. *Polis. Political research, 6*: 114—126. (In Russ.).

*The article was submitted 08.02.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 20.04.2024.*